

Разбойники пера

Евгений НАЗИМКО

ЛЕВ И МЫШОНОК

В большом городе Новосибирске есть маленький Академгородок. В маленьком Академгородке есть большой Научно-исследовательский институт. История, которую я хочу рассказать приключилась именно в этом институте и она действительно про Льва и мышонка, как написано в заглавии. Но, чтобы избежать недоразумений и неверного понимания, нужно сразу вам признаться, что Лев, это не хищная африканская кошка, как вы подумали, а имя к которому полагается ещё и отчество. Лев Африканыч – широко известный в узких кругах профессор кислых щей и пресных лепёшек, член Международной академии рационального питания. А мышонок в нашей истории самый настоящий, но не обычный, а белый.

У Льва Африканыча огромная грива волос пшеничного цвета и маленькая борода котлеткой. На носу профессо-

ра блестят очки с толстыми стёклами в золотой оправе. Целыми днями он бегаёт по всем этажам института в своём белом халате, заглядывает в лаборатории, пьёт чай в разных компаниях сотрудников и разговаривает с ними на научные темы.

Сотрудников в институте больше чем дней в году, поэтому время от времени то в одной, то в другой лаборатории Лев Африканыч попадает на празднование дня рождения. От обычных чаепитий такие застолья отличаются тем, что сладостей и чая употреблялось в пять раз больше обычного.

Пить по всякому случаю чай считается местной традицией. Но, в отличие от знаменитой восточной «чайной церемонии», этот ритуал называют «чай без церемоний». По неписанному закону заведённому младшими научными сотрудниками полагалось

Евгений Геннадьевич Назимко родился 24 января 1959 г. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт 1986 г. и Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина в 2000 г. Работал старшим научным сотрудником художественного музея, художником ВПО «Союз реклама», реставратором темперной живописи, преподавателем ВУЗа. В настоящее время доцент Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии, читает лекционные курсы «История графического дизайна и рекламы», «Монументальное искусство и дизайн в формировании архитектурной среды», а так же ведёт занятия по курсу «Живопись», «Рисунок» и «Техника графики». Он автор книг: 1. Классический офорт (учебно-методическая разработка), Новосибирск, НГАХА, 2006. 2. Рисунок пером и тушью (учебно-методическая разработка), Новосибирск: НГАХА, 2006. 3. Монография «Техника графики» (Новосибирск. 2008 г.). 4. Учебное пособие «Рисунок тушью» (Новосибирск, 2011 г.). В качестве искусствоведа опубликовал 24 статьи в специализированных журналах и сборниках конференций международного и всероссийского уровней. Член ВТОО «Союз художников России» с 2006 года. Участвовал в выставках городского, областного, регионального и республиканского уровней с 1987 года (всего более 25), а так же оформлял книжные издания.

использовать только недорогой чай в пакетиках заваренный в пластиковых, одноразовых стаканчиках. Знатоки утверждают, что в простоте отношения к жизни лабораторные посиделки превосходят чайные церемонии знаменитых буддийских монахов Японии и Китая.

По обыкновению, после чаепития, все просят Льва Африканыча спеть. Профессор немного позволяет себя уговаривать. Затем кто-то услужливо приносит гитару.

«Что же вам исполнить?» - озадачено спрашивает Лев Африканыч, а затем, перебирая три известных ему аккорда, исполняет всегда одну и ту же, единственную известную ему, детскую песню про белого мышонка Тарасика и, разомлевший от горячего чая и печенюшек, ученый люд в белых халатах, блаженно улыбаясь, весело ему подпевает. Слова Лев Африканыч часто забывает, мелодию перевирает, но это ни кого не волнует. Любые ошибки называют импровизацией и одобряют весёлым смехом.

Однажды профессора вызвал к себе директор института и сказал строгим голосом:

«Уважаемый Лев Африканыч! Технология пищевой промышленности быстро развивается. Так? В наших магазинах появились новые продукты питания. Так? Их иногда едят дети. Так? Необходимо срочно провести лабораторные исследования и убедиться, что эти продукты не представляют опасности для здоровья подрастающего поколения. Так!!! Приступайте к опытам как можно скорее. Деньги на проведение экспериментов получите в кассе. И, ввиду важности научной проблемы, в средствах мы Вас не ограничиваем. Берите сколько нужно... хоть сто рублей... да хоть двести... для здоровья детей ни чего не жалко.»

«Об чём речь! Сделаем!» — с улыбкой отрапортовал Лев Африканыч, весело подмигнув директору и пошёл в кассу.

Перед самым носом профессора касса закрылась «на технический

пятиминутный перерыв», и Льву Африканычу пришлось полчаса ждать, когда она откроется. Ожидая конца перерыва, профессор глубоко задумался на научные темы и очень напугался, когда окошечко кассы внезапно со стуком распахнулось. И кассирша зычным голосом крикнула:

«Следующий!»

Хотя ни перед Львом Африканычем ни за ним очередников не было. Выслушав, зачем пожаловал профессор, кассирша была очень возмущена:

«Вы умный человек! — строго сказала кассирша (от чего Лев Африканыч почувствовал себя совсем глупеньким) — у Вас высшее образование, а не знаете, что такую крупную сумму нужно заранее заказывать в банке». Но поскольку проблема действительно очень важная и касается здоровья детей, она снисходительно выдала профессору в мелких купюрах и крупных монетах половину требуемых денег. Объяснив свой благородный поступок тем, что сама является матерью двух «малолетних шалунов».

Получив деньги, Лев Африканыч направился в свою лабораторию. Лаборантка, рыжая и конопатая девица, как обычно, разговаривала по телефону, а профессор был человеком воспитанным и ещё постоял в научной задумчивости полтора часа. Телефонные разговоры были любимым занятием лаборантки, весь день сотрудники слышали её звонкий голос:

«Алё! ... Алё! ... Алё! ...».

Может быть именно по этому её звали Алёна, а может просто родители при рождении окрестили девочку Алёной и у неё из-за этого появилась любовь к телефонным разговорам. Наговорившись по телефону, Алёна обратилась к профессору:

«Лев Африканыч! Вы сегодня какой то задумчивый. Случилось что?» Профессор вручил лаборантке деньги и сказал:

«Алёна! Сходите, пожалуйста, в магазин и приобретите образцы новых продуктов питания, а потом купите коробку белых мышей. Мы с Вами,

голубушка, будем проводить на них опыты».

Новое поручение Алёне понравилось. Лаборантка любила шопинг и сразу отправилась по магазинам. Сначала Алёна зашла в магазин женской одежды, но хотя она очень внимательно там всё просмотрела, ни новых продуктов питания, ни белых мышей не обнаружила. Затем Алёна зашла в магазин женской обуви и в ювелирный магазин... В магазине парфюмерии, понюхав аромат духов «Эврика», Алёну осенила гениальная по своей простоте идея:

«А не зайти ли мне в продовольственный магазин? Вот где наверняка есть то, что нужно!»

Действительно, в продовольственном магазине лаборантка приобрела почти всё о чём просил профессор. Она купила: новый сорт сыра, новый сорт хлеба и новый сорт колбасы. Уплатив за продукты, Алёна спросила толстую продавщицу:

«А нет ли в Вашем магазине мышей?»

Продавщица, побагровела, и, смеясь Алёну оценивающим взглядом, округлившихся глаз, прошипела сквозь зубы:

«Ходят тут всякие. Вам, сударыня, нужно в зоопарк, или в зоомагазин. Он напротив!»

Алёна так и поступила, как посоветовала ей продавщица. И действительно в зоомагазине на оставшиеся деньги лаборантка купила целую коробку белых мышей с розовыми носиками и черными глазками-бусинками.

Сделав необходимые покупки, девушка принесла пакеты с продуктами и коробку с мышами в лабораторию и положила на стол рядом со старым кожаным портфелем Льва Африканыча, а сама пошла звонить по телефону подругам, чтобы обстоятельно рассказать, как прошёл шопинг.

Лаборантка говорила по телефону, а мыши грызли коробку. Алёна говорила, а мыши грызли. Грызли, грызли, грызли, грызли... и наконец прогрызли большую дыру. Вырвавшись на свобо-

ду, мыши все разбежались. Все, кроме одного маленького мышонка. Он был совсем маленький, такой маленький, что не смог спрыгнуть со стола. Хорошо, что рядом с коробкой стоял портфель Льва Африканыча. Мышонок залез в него и затаился.

Вскоре в лабораторию вернулся, после очередного обхода института, Лев Африканыч. Лаборантка Алёна со слезами рассказала профессору, что мыши разбежались, а продукты хранить негде, так как холодильник давно сломался. Успокоив лаборантку, Лев Африканыч сложил пакеты с продуктами в портфель и пошёл домой. Профессорская квартира была очень маленькая, но зато в ней стоял большой пустой холодильник, куда Лев Африканыч сложил на хранение образцы новых продуктов. Портфель он поставил на письменный стол, который по совместительству использовался как обеденный.

И тут из портфеля вылез маленький белый мышонок. Пробежав по краю стола и убедившись, что спуститься на пол нет ни какой возможности, мышонок встал на задние лапки и стал смотреть на профессора, затаив дыхание, ожидая своей участи. Лев Африканыч в свою очередь с удивлением смотрел на непрошеного гостя сквозь очки в золотой оправе.

«Ты кто?» – спросил он мышонка. Мышонок молчал.

«Как тебя зовут?» — уточнил свой вопрос профессор. Мышонок молчал.

«А! Понятно» — догадался профессор (ведь он был умный и имел высшее образование) – «Ты не отвечаешь, потому, что у тебя нет имени. И я назову тебя ... Тарасик».

Мышонок одобрительно пискнул и облегчённо вздохнул.

Лев Африканыч достал из бокового кармана портфеля котлетку, которую приготовила лаборантка Алёна и отломил кусочек для мышонка. Они вместе поужинали, оживлённо беседуя. Профессор говорил что-то не очень разборчиво с набитым ртом, а мышонок слушал и одобрительно кивал (а может

просто икал от обильного ужина).

Наступила ночь. Пора было ложиться спать. В профессорской квартире был только один диванчик, но профессор не мог положить Тарасика рядом с собой, так как боялся во сне нечаянно придавить его. Немного подумав Лев Африканыч, достал из холодильника кусочек сыра и сделал из него матрасик для мышонка. Мышонок забрался на матрасик, свернулся на нём калачиком, зевнул и сладко заснул. Профессор же начал читать прошлогодний отчёт по научной работе, который ему очень помогал от бессонницы и прочитав три строчки тоже крепко заснул.

Утром профессор проснулся, и видит что Тарасик съел свой сырный матрасик. Ни одной крошки не оставил.

«Ай-яй-яй» — строго сказал профессор и покачал головой. Покачал головой и пошёл на работу напевая по дороге:

«Белый мышонок Тарасик
Скушал свой сырный матрасик.
Скушал на завтрак свой
сырный матрасик,
Белый мышонок Тарасик.»

На работе он целый день разговаривал с сотрудниками на научные темы и пил чай, а поздно вечером вернулся домой. Профессор и мышонок Тарасик поужинали блинчиками, которые испекла лаборантка Алёна. Лев Африканыч сделал мышонку матрасик из кружочка колбасы на котором тот уютно свернулся калачиком. Профессор собрался почитать быстро усыпляющий зевотно-тягомотный отчёт по научной работе, но тут выяснилось, что отчёт так же съеден мышонком. Тогда профессор зажёл свечу и долго сидел при её колеблющемся свете, рассказывая мышонку сказки. Скоро и профессор, и мышонок сладко спали.

Утром Лев Африканыч проснулся, и видит что мышонок съел свой колбасный матрасик, сидит и умильно облизывается.

«Ай-яй-яй» — строго сказал профессор и покачал головой. Покачал

головой и пошёл на работу напевая по дороге:

«Белый мышонок Тарасик
Скушал колбасный матрасик.
Скушал на завтрак колбасный
матрасик,
Белый мышонок Тарасик.»

На работе Лев Африканыч целый день разговаривал по телефону на научные темы и пил чай, а поздно вечером поспешил домой. Профессор и мышонок Тарасик поужинали оладушками, которые испекла лаборантка Алёна. Лев Африканыч сделал мышонку матрасик из, мягкого как поролон, кусочка хлеба на котором тот свернулся калачиком и сладко заснул. Профессор хотел зажечь свечной огарок, оставшийся с прошлой ночи, но тут выяснилось, что он тоже съеден мышонком. Пришлось лишить Тарасика сказки на ночь.

Утром Лев Африканыч проснулся, и видит — нет и хлебного матрасика, съел его мышонок, даже крошек не осталось.

«Ай-яй-яй» — строго сказал профессор и покачал головой. Покачал головой и пошёл на работу напевая по дороге:

«Белый мышонок Тарасик
Скушал свой хлебный матрасик.
Скушал на завтрак из хлеба
матрасик,
Белый мышонок Тарасик.»

На работе Льва Африканыча вызвал к себе директор института и сказал:

«Уважаемый Лев Африканыч! Уже прошло три дня, как Вы получили новое научное задание. Министерство требует от нас результатов. Напишите, пожалуйста, отчёт о проделанной работе.

«Об чём речь! Сделаем!» — весело отрапортовал Лев Африканыч и пошёл в свою лабораторию.

Там он сел за письменный стол, достал из выдвижного ящика стола чистый лист бумаги, взял авторучку с

золотым пером и красивым почерком вывел в верхней части листа:

«Отчёт по научной работе».

Затем, Лев Африканыч подумал немного и ниже написал, напевая текст на мотив любимой песни:

«Опыт №1

Белый мышонок Тарасик
Скушал свой сырный матрасик.
Скушал на завтрак свой
сырный матрасик,
Белый мышонок Тарасик.

Опыт №2

Белый мышонок Тарасик
Скушал колбасный матрасик.
Скушал на завтрак колбасный
матрасик,
Белый мышонок Тарасик.

Опыт №3

Белый мышонок Тарасик
Скушал свой хлебный матрасик.
Скушал на завтрак из хлеба
матрасик,
Белый мышонок Тарасик.»

Лев Африканыч еще раз подумал и размашисто начертил своим каллиграфическим почерком:

«Научные выводы».

Под этим заголовком он старательно написал:

«На новых продуктах мышонок заметно подрос и поправился...»

Затем Лев Африканыч, уже в третий раз, подумал и добавил:

«Но это ни чего не значит, так как мышонок, в добавок, съел свечной огарок и зевотно-тягомонтный отчёт по научной работе за прошлый год, а детям такое есть категорически нельзя! Да и взрослым я бы этого тоже не советовал.»

Профессор перечитал написанное и в самой нижней части листа поставил свою подпись. Промокнув чернила пресс-папье, профессор отнёс отчёт в приёмную директора и не дожидаясь конца рабочего дня, поспешил домой, где его ждал большой друг — маленький мышонок Тарасик.

ДЕТСТВО

На речке под ракитовым кустом,
Где с плеском карасей гоняет щука,
Всё утро просижу вдвоём с котом,
Закинув удочку из жёлтого бамбука.

И сядет мотылёк на поплавок,
По броду проведёт мужик подводку,
И пескари сплывутся на плёвок,
И из тетрадки с двойкою листок
Сложу в кораблик и спущу на воду.

Реки равнинной тихое течение
Пусть унесет из жизни огорчения.

И разгоню в поля велосипед,
Спою фальцетом арию Карузо,
Среди ромашек брошу старый плед,
Открою томик «Робинзона Крузо».

Есть время почитать и пометчать,
И жизни окончанья не видать.

Июль, 2019 год

ДОМ РОДНОЙ

(Из цикла «Солдатские песни»)

Покидая свой дом родной,
Он отвесил поклон земной.
И, обняв на пороге мать,
Как и все пошёл воевать.

Дом остался в росистой России.
Там, где молятся деве Марии
На иконы напротив печки,
Где берёзки у речки, как свечки.

Там, где трав ароматы медвяные,
Где звучат переборы баянные,
Где наполнены рощи волшбою,
Где криницы с водой голубою.

Где он рос молодой да рьяный
Красотой земной обаянный,
Где по окнам простой избы
Кружева домовою резьбы,

Где ромашки цветут в палисаде,
У берёзок зелёные пряди.
В пышной кроне кудрявых ветвей,
Там ночами поёт соловей.

Лунной долькою осиянный
Песню слушает дом деревянный,
Распахнув в темноту свои ставни.
По реке зеленеют плавни ,

Шелестя высокой осокой,
Ждут свиданья с зарёй краснощёкой.
Рыба плещется в омутах...
Долго не был он в этих местах.

Соль земли — рядовой солдат —
Жизнь опять повернул на лад.
Минул срок, вернулся домой,
Только стал, словно луня седой.

Июнь, 2019 год
Пояснения:

Волшба — волшебство, колдовство, волхво-
вание
Криница — родник
Рьяный — страстный, горячий
Обаянный — очарованный, околдованный
Палисад — забор, изгородь, отделяющая уча-
сток между домом и дорогой, полисадник
Осиянный — освещённый, озарённый
Плавни — заросли тростника, рогоза, осоки и
других растений , корни которых находятся под
водой, а стебли над водной поверхностью.

К ПУШКИНУ...

Мне нравится осенний мокрый сад,
Когда над головой грохочут грозы,
А ветер треплет клёны и берёзы
И листья словно фантики летят.

Как ни прекрасно летом и весной,
Нам эта грусть, раз в год, необходима.
Была, когда то, Пушкиным любима,
Ну а теперь она любима мной.

Бродя по листьям мокрым от дождя,
Любуясь красотою увяданья,
Поэта разделяю ликованья,
Его стихи по памяти твердя.

От русской речи веет стариной.
Осенена крылами Серафима,
Была, когда то, Пушкиным любима,
Ну а теперь она любима мной.

Давным-давно, когда я был дитя
Мне бабушка рассказывала сказки.
В них радужно переливались краски
В подлунный мир жар-птицею летя.

Те сказки, прозвучав порой ночью,
В сон перейдя, вдруг становились зримы.
Когда то были Пушкиным любимы,
Ну а теперь они любимы мной.

На ловлю птицы-счастья и чинов
В Европу едут русские Дантесы.
Мы поменяли роли старой пьесы,
Россия отпусти своих сынов.

А мне не надо Родины другой.
Такой, без сарафана и без грима,
Была когда то Пушкиным любима,
Ну а теперь она любима мной.

Сентябрь, 2020 год

НОКТЮРН ДЖОНА ФИЛЬДА

Словно капли дождя пальцы
клавиш касались
И жемчужины нот в тишине рассыпались,

Как по бархату чёрному плавно скользя,
В том ноктюрне волнующе отобразя

Джона Фильда томленья обрусевшей
души.

А над речкой шуршали в тиши камыши

За раскрытым окном затемнённого зала,
Где под музыку Фильда луна оплывала.

Июль, 2020 год

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Земля укрыта пёстрым одеялом,
Ребят в глазах цветные лоскуты.
Берёз колонны высятся порталом
В античном храме культа красоты.

И в золотом окладе листопада
Передо мной возник осенний лик,
А солнца масленичная лампада
Почтило дивным светом чудный миг.

Последняя осенняя улада
Мне томно шепчет шелестом листвы,
Вальсирующей в роще до упада,
Что срок истёк, увы... увы... увы...

И скоро в снежном саване скончанья
Без певчих птиц леса замрут немые...
Но я скажу природе: «До свиданья!
До встречи по ту сторону зимы».

Ноябрь, 2019 год

СВОЙ СВЕТ В СОНЕТ

Свеча стояла на столе... и стаяла...,

